

«ОТКАЗАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ УПОТРЕБЛЯТЬ», ИЛИ ПРИЧАСТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Причастные формы всегда представляли острый интерес не только для лингвистов, но и для писателей, литературоведов, критиков. Еще М.В. Ломоносов, определив причастие как «соединение имени и глагола в одно речение», отвел данным атрибутивным формам глагола особое место в ряду различных групп слов [9, с. 408]. Причастия, по словам ученого, «служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу» [9, с. 407]. Таким образом, функциональная характеристика причастных форм складывается не только из их предназначенности, но и огромного потенциала. Грамматическое содержание причастий шире содержания образующих их глаголов, поскольку они (причастия) способны выражать временные, видовые, залоговые и модальные значения в объеме, не совпадающем с грамматическим содержанием причастий в языковой системе. В современном русском языке причастия выступают как переходные (гибридные, амбивалентные, etc.) формы, отличительными признаками которых являются свернутость, имплицитность, диффузность и контекстуальная обусловленность лексико-грамматического содержания [2, с. 118].

Будучи проблемной зоной грамматической теории, причастия стали своеобразным камнем преткновения и для художников слова, которые, отвергая или отстаивая «право» причастий быть в литературном произведении, не только не решали «причастный вопрос», но, напротив, его заостряли. И едва ли удастся оспорить утверждение, что причастие, пожалуй, единственная грамматическая форма, которая вызвала столь противоречивые оценки и замечания по поводу ее использования в

языке художественной литературы [6, с. 138]. Не случайно в контексте резкой критики, направленной против использования авторами причастий в художественном тексте, была поставлена задача «реабилитации» причастных форм и оборотов в художественной, в частности, поэтической речи [6]. Между тем грамматическая двойственность причастий, их семантическая емкость, книжно-письменная окраска, возможность позиционного варьирования, создаваемый с их помощью фоностилистический эффект – всё это сделало причастие не только особым, но и весьма востребованным изобразительно-выразительным средством.

Вопрос об уместности или неуместности причастий в литературных произведениях ставился еще в XVIII в., «Причастия, – писал М.В. Ломоносов, – имеют в себе некоторую высоту, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов» [9, с. 496].

Стало уже хрестоматийным высказывание А.С. Пушкина о «выразительной краткости» причастий: «<...> причастия и вообще множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метёт и пр., – заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом» [16, с. 249].

О целесообразности использования причастий в художественных текстах высказывались и лингвисты. Так, по меткому выражению А.М. Пешковского, там, где причастия действительно нужны, «сам глагол должен покорно опустить перед ними голову» [13, с. 110].

Известные слова А.С. Пушкина о причастиях имеют такое продолжение: «Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков» [15, с. 157]. Между тем далеко не все писатели были единодушны в оценке причастий.

Поэт К.Н. Батюшков, делая ряд замечаний, касающихся стихотворения П.А. Вяземского «К подруге», обращает внимание автора на причастие «числящихся» во фразе «безграмотных писцов,числящихся в поэтах». «Числящихся – очень нехорошо, холодно», – написал К.Н. Батюшков в письме к П.А. Вяземскому [14, с. 104]. К слову, П.А. Вяземский принял замечание, заменив критикуемые строки абсолютно другими.

Против использования причастий в литературных произведениях горячо высказывался М. Горький. Писатель довольно резко характеризовал слова с сочетаниями шипящих (к такому он относил и действительные причастия прошедшего времени) и призывал коллег по цеху всячески избегать подобных слов: «Язык наш <...> достаточно богат. Но

у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звукосочетания: вши, вша, вшу, ша, шей. На первой странице рассказа вши ползают в большом количестве: “прибывшую”, “проработавший”, “говоривших”. Вполне можно обойтись без насекомых» [4, с. 376]. В одном из писем М. Горький говорил о необходимости «понемножку вытравливать» из речи «все эти вши, щипящие и прочие свистящие и шипящие слоги». К.И. Чуковский по этому поводу резонно заметил: «Очевидно, народу, который создал эти звуки, они не противны, если он сохраняет их у себя в языке» [6, с. 139].

И. Бабель также считал причастия лишними в литературных текстах: «Я стараюсь изгнать из рукописи почти все причастия и деепричастия и оставляю только самые необходимые. Причастия <...> скрежещут, как будто танки переваливают на своих гусеницах через каменный завал» [6, с. 139]. И. Бабель был категоричен: «Три причастия в одной фразе – это убиение языка» [там же]. Словно в доказательство этого тезиса писатель-сатирик Серебряного века В.Е. Ардов в фельетоне «Суконный язык» высмеял описи «товарищей ордена суконного языка»: «Люди, ходящие по траве, вырастающей за отделяющей решеткой, ломающейся и вырывающейся граблями, а также толкающиеся, приставающие к гуляющим, бросающиеся в пользующихся произрастающими растениями, подставляющие ноги посещающим, плюющие на проходящих и сидящих, пугающие имеющихся детей, едущие на велосипедах, заводящие животных, загрязняющих и кусающихся, вырывающие цветы и засоряющие, являются штрафующимися».

Как видим, отношение мастеров слова к причастиям далеко не однозначное. Вместе с тем, как верно отмечает Р.К. Кавецкая, «вопрос об уместности или неуместности причастий в художественных произведениях снимается самой практикой речи» [6, с. 139], и для того чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к прозе В. Набокова, к стихотворениям М. Цветаевой, к поэтической рефлексии Б. Слуцкого, Р. Рождественского и др.

То, что «три причастия в одной фразе» отнюдь не «убиение языка», а один из конститутивных признаков индивидуально-авторского стиля, убедительно доказывает художественная и мемуарная проза В. Набокова. В литературных произведениях писателя, отличающихся семиотической и лингвостилистической игрой, эстетизацией вещного мира, установкой на художественный обман, крайней индивидуализацией и общей ностальгической тональностью, причастные формы предельно функциональны и выразительны [18]. Русскоязычные тексты В. Набокова – различные по времени и обстоятельствам создания, по своим

жанрово-стилистическим, идейно-содержательным, композиционным характеристикам и художественным достоинствам – объединяет чрезвычайная насыщенность причастиями, причем автор использует не только регулярные, но и малоупотребительные причастные формы (например, действительные причастия могший, могущий, страдательные причастия настоящего времени выдаемый, ставимый; и др.). Малоупотребительные причастные формы органично вплетаются В. Набоковым в текстовую ткань, тем самым «обретают жизнь» и получают право быть в художественном тексте: «<...> он слушал спокойно, и, когда отец, старавшийся подбирать любопытнейшие, привлекательнейшие подробности, сказал, между прочим, что его, как взрослого, будут звать по фамилии, сын покраснел, заморгал, откинулся навзничь на подушку <...>, но не расплакался, а вместо этого весь как-то надулся, зарыл лицо в подушку <...>, и вдруг, быстро привстав, – трепанный, теплый, с блестящими глазами, – спросил скороговоркой, будут ли и дома звать его Лужиным» (В. Набоков, «Защита Лужина»); «Это был чистый, круглодонный звон стакана, ставимого обратно на стеклянную полочку; после чего хозяйская дочка откашливалась (В. Набоков, «Дар»)). О том, насколько значимыми для В. Набокова как для homo scribens являются причастные формы, свидетельствует не только количественный показатель («набоковские» предложения могут содержать 10 и более причастий-словоупотреблений), но и то, что писатель употребляет причастия и в своих русскоязычных интервью. Этот жанр, как известно, предполагает диалог и непосредственную реакцию на высказывания собеседника. В. Набоков же, предпочитавший не говорить экспромтом и называвший себя «скверным оратором» и «беспомощным собеседником» [11, с. 110–111], не только отбирал и часто перефразировал вопросы, но и многократно редактировал свои ответы. Так канонический журналистский жанр, характеризующийся непринужденной разговорностью и с трудом поддающийся художественной метаморфозе, преобразовывался В. Набоковым до неузнаваемости. Как замечает Н.Г. Мельников, «подняв до невообразимой высоты языковую и стилистическую планку в художественных произведениях, он [Набоков] не захотел опускать ее и здесь, в рамках маргинального для высокой литературы жанра» [11, с. 34]. Без сомнения, в определении критиками художественной прозы В. Набокова как «изысканной» и вместе с тем чрезмерно описательной, синтаксически насыщенной и даже перегруженной, требующей от читателя не только рациональных усилий, но и «лингвистического напряжения», причастные формы играют далеко не второстепенную роль. Сравните: «<...> всё ему [Ганину] вспомнилось сразу: мокрая трава, хлещущая по дви-

жущейся икре, по спицам колес, круг молочного света, вливающийся и растворяющий тьму, из которой возникали то морщинистая лужа, то блестящий камешек, то навозом обитые доски моста, то, наконец, вертящаяся калитка <...>» (В. Набоков, «Машенька»); «Так полулежала она [Лолита], развалилась в правом от меня углу дивана, школьница в коротких белых носочках, пожирающая свой незапамятный плод, пьющая сквозь его сок, теряющая туфлю, потирающая пятку в сползающем со шиколотки носке о кипу старых журналов» (В. Набоков, «Лолита»); «Да, часть перевода сделана моим сыном Дмитрием, недавно кончившим Гарвардский университет и свободно владеющим обоими языками» (В. Набоков, из интервью радиостанции «Голос Америки», V, 1958). Причастные конструкции позволяют не только уплотнить языковую структуру и семантическое пространство текста, но и сделать последний грамматически усложненным, насыщенным, в некоторой степени «искусственным», тем самым увести читателя от легкости и «простоты» чтения литературных произведений к осознанию «радостей и тупиков труда» их автора [10, с. 478]. «Я работаю трудно, работаю долго над словом. <...> Если читателю, в свою очередь, приходится потрудиться – еще лучше. Искусство дается трудно», – говорил В. Набоков [11, с. 237].

Причастия играют немалую роль в грамматике текста, определяют своеобразие творческой манеры писателя, свидетельствуют об оригинальности авторского «потока сознания», преломленного в письменной языковой форме (в отличие, к примеру, от фразеологических единиц, привлекающих внимание исследователей прежде всего особенностями семантики и трансформациями структуры в идиостиле того или иного писателя).

Как известно, ценность синонимических синтаксических конструкций определяется их различиями, что проявляется в неспособности конструкций к взаимозамене в определенных контекстуальных условиях. Проведенное нами исследование позволило экспериментально доказать значимость причастий как строевых компонентов текста, определить их специализацию (конструктивно-текстовую) [18]. Так, из 6618 причастий-словоупотреблений, зафиксированных нами в романах В. Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Подвиг», «Дар», «Лолита», 2917 (или 44,1%) можно свободно, без смещения смысловых и/или стилистических акцентов исходных высказываний, заменить предикативными формами глаголов. Большую же часть (3701, или 55,9 %) составляют причастия-словоупотребления, не допускающие предикативной репрезентации действия, имеющие так называемый нулевой трансформационный потенциал. Выявление причин, ограничивающих такое синтак-

сическое варьирование, позволяет реконструировать мотивы выбора автором причастной конструкции при наличии грамматических синонимов и оценить сделанный автором выбор.

Таким образом, экспрессивно-стилистические характеристики, грамматические и семантические свойства причастий определяют столь пристальное внимание к ним художников слова, в особенности прозаиков, для которых поиск и выбор единственно верного – семантически точно и стилистически безупречного – языкового средства является одним из творческих императивов. Проанализированный фактический материал ([1], [3], [6], [7], [8], [12], [17; 18] и др.) опровергает устойчивое и весьма распространенное среди художников слова мнение о причастии как языковом средстве, которое «делает речь угловатой, громоздкой и разрушает мелодию языка» (выражение И. Бабеля). Нередко причастие оказывается для писателя не только одним из возможных вариантов «совершения мысли» и своеобразным способом стилистического маневра, но и единственно возможным, незаменимым языковым средством, выражающим особого рода атрибутивные отношения и «предназначенным служить тексту» [5].

Литература

1. Болгова, Е.Я. Причастные обороты и определительные придаточные предложения в прозе М.Ю. Лермонтова в сопоставлении с прозой его современников: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Е.Я. Болгова. – Красноярск, 1963. – 16 с.
2. Волынец, Т.Н. Грамматический феномен причастия / Т.Н. Волынец. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 138 с.
3. Вяльсова, А.П. Текстовые функции причастий и деепричастий / А.П. Вяльсова // Русская словесность. – 2005. – № 2. – С. 36–45.
4. Горький, М. О литературе / М. Горький. – М.: Сов. писатель, 1953. – 308 с.
5. Золотова, Г.А. Грамматика как наука о человеке / Г.А. Золотова // Грамматика как наука о человеке [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/zolotova-01.htm>. – Дата доступа: 02.12.2006.
6. Кавецкая, Р.К. Экспрессивно-стилистический потенциал причастных форм / Р.К. Кавецкая // Русский язык: сб. трудов; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина; редкол.: Л.Ю. Максимов [и др.]. – М., 1975. – С. 138–150.
7. Коновалова, Л.И. Причастие в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина / Л.И. Коновалова, Г.Г. Ахметзянова // Русский глагол (функционирование и развитие): межвуз. сб. науч. тр. / Казанск. гос. пед. ин-т; редкол.: С.И. Снопкова (отв. ред.) [и др.]. – Казань, 1989. – С. 52–65.

8. Краснов, И.А. Употребительность причастий в современном русском языке / И.А. Краснов // Русский язык в школе. – 1968. – № 5. – С. 112–115.
9. Ломоносов, М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. / М.В. Ломоносов. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). – 996 с.
10. Набоков, В.В. Лекции по зарубежной литературе / В.В. Набоков; пер. с англ. под ред. В.А. Харитоновой. – М.: Независимая Газета, 1998. – 512 с.
11. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / сост. Н.Г. Мельников. – М.: Независимая газета, 2002. – 704 с.
12. Панкратович, Т.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в поэзии Н.А. Заболоцкого: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Т.В. Панкратович; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1998. – 18 с.
13. Пешковский, А.М. Избранные труды / А.М. Пешковский; подг. к печ. И.А. Василенко, И.Р. Палей. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.
14. Писатели советуются, негодуют, благодарят: о чем думали и что переживали русские писатели XIX – нач. XX в. при издании своих произведений: по страницам переписки / сост. А.Э. Мильчин. – М.: Книга, 1990. – 416 с.
15. Розенталь, Д.Э. Секреты стилистики. Правила хорошей речи / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб. – 7-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 208 с.
16. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
17. Сковрцова, Н.Н. Особенности лексико-грамматического содержания причастий в художественном тексте (на материале романов В. Набокова и Г. Газданова) / Н.Н. Сковрцова // Русский язык и литература. – 2008. – № 9. – С. 58–64.
18. Сковрцова, Н.Н. Реализация функций и лексико-грамматического содержания причастий в разных типах контекста (на материале русскоязычных произведений В.В. Набокова): дис. ... канд. фил. наук: 10.01.02 / Н.Н. Сковрцова; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 150 с.